

Лингвистика

УДК 811

Р.Д. Урунова

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ МЕСТОИМЕНИЙ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

Статья содержит аналитический обзор лингвистических трудов, посвященных переосмыслению местоимений как грамматического класса слов русского языка. Местоимения являются словами, трудно поддающимися систематизации по признакам, на основе которых выделяются части речи в русской грамматике. Цель исследования – рассмотреть наиболее значимые для лингвистической науки труды, обобщить взгляды и подходы в описании местоименного класса и определить наиболее продуктивные из них. Предметом исследования являются труды, посвященные местоимениям, опубликованные в конце XX и в начале XXI вв. В результате анализа были выявлены основные проблемы и направления в описании местоименного класса в современном русском языкознании. Было выяснено, что местоимения требуют особых схем описания, поскольку на категориальном уровне отличаются по своим свойствам от всех остальных слов. Самым продуктивным подходом к их описанию является функциональный, который дает возможность исследовать местоимения, учитывая специфику их употребления в текстах и устной коммуникации. Из нескольких способов функционального исследования самым эффективным является описание местоимений по результирующей функции.

Ключевые слова: местоимение, части речи, традиционная грамматика, функциональный подход, семиотика, корпусное исследование.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-739-750

На рубеже XX и XXI вв. появился целый ряд трудов, которые отличаются оригинальным подходом в исследовании местоименного класса и которые заметно обогатили современную лингвистическую науку. Одной из основных всегда была проблема статуса местоимений в системе языка. Этот вопрос и сегодня продолжает оставаться спорным, но особенно острые дискуссии по нему проходили в конце XX начале XXI вв. в рамках решения более общей проблемы – поиска новых критериев для выделения частей речи (О. Лешка, О.Г. и И.И. Ревзины, А.Е. Супрун, Й. Вукович, А.Т. Кривоносов, Е.С. Кубрякова, И.М. Советов, В.М. Жирмунский и др.). Целью этих дискуссий был ответ на вопрос, является ли местоимение самостоятельной частью речи. Осмысление частеречных признаков традиционной грамматики не позволяет однозначно ответить на него. Мнения ученых разделились: одни считают, что местоимению необходимо определить место в традиционной классификации частей речи, другие настаивают на необходимости принципиально нового подхода к их систематизации.

Так, В.М. Жирмунский защищает традиционную классификацию частей речи: «...есть полное основание считать, что классы слов, установленные традиционной (так называемой «школьной») классификацией частей речи, в основном соответствуют реальной действительности (по крайней мере, для языков типа европейских)» [7. С. 16]. Выдвигаемый обычно тезис о логической или грамматической непоследовательности этой классификации и об отсутствии в ней единого принципа деления ученых не считает существенным, поскольку она «требует только правильного описания системы признаков, определяющих в своей взаимосвязи данный реально существующий тип явлений» [7. С. 28]. Местоимения при таком подходе рассматриваются как самостоятельная часть речи.

А.Е. Супрун, детально проанализировав вопрос о частях речи в русской грамматической традиции, пришел к выводу, что «невозможно при помощи некоторых достаточно простых и жестких критериев установить реальную картину частей речи, как она имеется в русском языке. Попытки жесткого определения частей речи оказывались в общем безуспешными» [29. С. 20]. Эту точку зрения поддерживает довольно большой круг ученых (О. Лешка, О.Г. и И.И. Ревзины, Й. Вукович, И.Г. Милославский и др.). В их работах в ряду других проблем, как правило, осмысливаются статус и функции тех грамматических классов, самостоятельность которых не подтверждается критериями традиционной классификации. В эту группу попадают и местоимения. Так, Й. Вукович, признавая местоимения самостоятельной частью речи, отмечает, что их изучение составляет нелегкую теоретическую проблему: «Местоимения требуют специального рассмотрения в значительно более широком аспекте –

не только собственно лингвистическом, причем следует считаться также с пересечением здесь внутрилингвистических и экстралингвистических моментов» [4. С. 49]. В устанавливаемой Вуковичем иерархии частей речи местоимения «как сложное целое в смысле категориальных значений» составляют переходное звено между высшими категориями (глаголы и существительные) и второстепенными, к которым относятся прилагательные, наречия и числительные [4].

А.К. Васильева частями речи считает только классы так называемых однозначных слов, в число которых попадают и местоимения, которым она уделяет особое внимание. Проблематичность этого класса слов она видит в специфике их значений: «По своему характеру они напоминают грамматические значения. И тем не менее – это значения лексические уже по одному тому, что во флективных языках они выражаются корнем слова, способным сочетаться со служебными морфемами» [2. С. 67].

По мнению И.Г. Милославского [17], местоимения не вошли в состав отдельных частей речи. Ученый распределяет их между разными грамматическими классами, поскольку они не имеют однотипных грамматических свойств. В связи с разноплановостью и многофункциональностью местоимений он не рассматривает их как единый грамматический класс.

Исследователи, стремящиеся дать корректное описание собственно местоименного класса, тоже не единодушны. Их интерес в основном сфокусировался на проблеме определения природы местоимений. Часто они все-таки учитывают критерии классической грамматики, хотя и выходят за ее рамки, но некоторые из них, описывая местоимения, используют новые критерии.

В подавляющем большинстве работ последних десятилетий превалирует функциональный подход к местоимениям, так как в отличие от других частей речи в местоимениях важны функциональные свойства форм. Разные коммуникативно-семантические местоименные варианты, разнообразные в формальном и содержательном отношении, имеют сходство функций, проявляющееся в двух планах: в плане соотношения высказывания с действительностью и в плане соотношения с предшествующим высказыванием. Не случайно даже в трудах, ориентированных на традиционную классификацию всегда учитываются «особые» функциональные свойства местоимений.

Необходимо отметить логико-семиотические исследования местоимений, весьма популярные на рубеже XX и XXI вв. (И.И. Ревзин, Е.В. Падучева, Ю.И. Левин, А.С. Чехов и др.). Они далеко уходят от традиционных грамматических схем, поскольку имеют свои особые прикладные цели, часто отражают логические проблемы, возникающие при исследовании способов вербализации логических структур. Изучаются, как правило, тексты и предложения естественного языка как единицы, выражающие суждения о свойствах и соотношениях объектов действительности [22; 24]. В работах этого направления анализируются отдельные разряды местоимений, особенности организации этих разрядов, специфика употребления отдельных вариантов. Так, Г.Е. Крейдлин и Е.В. Падучева отмечают, что для актуализации объектов наряду с указательными местоимениями типа *этот* могут использоваться слова, которые можно считать парными или комплексными указательными местоимениями, например, *первый... второй... третий* в контекстах типа: «Если стороны одного треугольника соответственно равны трем сторонам другого, то первый треугольник равен второму». Местоимения *первый* и *второй* определяются учеными как адъективные, требующие подчиняющего существительного [11].

Детальный анализ суждений в терминах логики не всегда представляет интерес для лингвистов, поскольку в лингвистических исследованиях трудно применимы. Между тем некоторые логические схемы, отражающие взаимозамещаемость имен объектов, дают продуктивные в языковом плане описания местоимений. Так, Т.Д. Корельская и Е.В. Падучева [8] обратили внимание на идентичность употребления в определенных условиях местоимений собственно функциональных разрядов и разрядов, выделяемых в традиционной грамматике. Речь идет об анафорическом употреблении возвратных, личных и указательных местоимений. Все они причисляются к анафорическим. Под правилами употребления анафорических местоимений понимается описание условий применимости к тексту синонимического преобразования, состоящего в замене полных имен объектов местоименными заместителями.

В логико-семиотических исследованиях местоимения чаще всего рассматриваются в определенном ряду слов (с союзами, предлогами, со словами семантического поля терминов родства и др.), семантика которых поддается корректному логическому описанию. В работах такого рода аппарат современной логической науки используется для уточнения и формализации некоторых фрагментов естественного языка [11; 13].

И функционально-лингвистический и логико-семиотический подходы в исследовании местоименного класса обусловлены современными требованиями, они не только сосуществуют параллельно, но и дополняют друг друга. Благодаря этому лингвисты, например, приняли во внимание разные в

логическом плане местоименные типы, что позволило в функциональном аспекте различать дейктические, анафорические и кванторные местоимения вместо классических разрядов. Это значительно расширило представление об особенностях всего местоименного класса и позволило понять его значимость для мышления, коммуникации и текстообразования. Кроме этого, существенным вкладом в лингвистическую теорию является разработка новых парадигм для отображения местоименного класса слов в логико-лингвистическом аспекте. Некоторые виды местоимений можно корректно описать, только обращаясь к логике.

В современной лингвистике функциональный подход приобрел особую актуальность в связи с интересом к изучению языка в естественных условиях функционирования. Различные направления функциональной грамматики разработаны А.В. Бондарко, Н.Ю. Шведовой, В.Г. Гаком, Г.А. Золотовой, Н.А. Слюсаревой, Д.Н. Шмелевым, А.Д. Шмелевым, Е.Н. Сидоренко, А.Г. Елисейевой, Л.Х. Головенкиной, С.Г. Татевосовым, О.Д. Третьяковой и др. Во многих трудах, посвященных самым разным вопросам, ученые так или иначе касаются проблем, связанных с местоимениями, поскольку они являются многофункциональными «структурными» словами, способными актуализировать функциональные потенции всего языка в целом [21].

В трудах по функциональной грамматике заметно проявляются две тенденции: с одной стороны, применяется функциональный подход как самый продуктивный, способный обеспечить корректное описание местоименного класса; с другой стороны, сохраняется существенное влияние традиционной грамматики. Это обстоятельство создает много сложностей для современных классификаций местоимений. Синтез традиционного и функционального подходов стал характерной чертой современной русской грамматики. Степень влияния каждого из них в разных местоименных теориях проявляется по-разному: в одних преобладает традиционный подход, в других – функциональный.

Анализ современных концепций показывает, что для них характерна одна общая черта: основой для описания местоимений являются их функциональные свойства, а результатом исследования, как правило, – построение корректной местоименной системы, ориентированной на традиционные признаки логоцентрического качества. Даже академические труды «Грамматика современного русского литературного языка» [5], «Русская грамматика» [25], «Краткая русская грамматика» [9] построены по этому принципу. Например, в «Русской грамматике», которая в значительной степени отразила подход «Грамматики» 1970 г. издания, местоимения определяются как «указательные слова» (то есть по функциональному качеству), среди которых выделяются собственно местоимения, являющиеся заместителями имен (и тут принципом выделения оказывается функция) и местоименные наречия [25. С. 531]. Таким образом, в грамматике имплицитно осуществляется функциональное описание, хотя его «скрытость» делает всю характеристику местоимений довольно расплывчатой и неоднозначной, что неизбежно приводит к множеству неточностей в функциональном плане. Так, полноценными местоимениями признаются только заместители существительных. Непонятно, почему введено такое ограничение, ведь с точки зрения традиционных частеречных признаков заместители других имен отличаются от местоимений-существительных только полнотой парадигм. В синтаксическом плане употребление местоименных прилагательных отличается от употребления собственно прилагательных так же, как и синтаксические функции местоимений-существительных от собственно существительных.

Авторы грамматики дают расплывчатую характеристику функциональных свойств местоимений. Учитывается только «указательная функция», анафорическая функция местоимений репрезентируется как «разновидность указательной» и называется «заместительная функция» [25. С. 531]. Таким образом, подчеркивается связь и органичная близость местоименных функций, тогда как в действительности, хотя дейктическая функция (близкая указательной) и является первичной по происхождению относительно анафорической (заместительной), все-таки они являются независимыми по отношению друг к другу. Надо отметить, что отношение к обоим местоименным функциям в «Грамматике» довольно непоследовательное. С одной стороны, «указание» репрезентируется как главная функция местоимений, с другой стороны, основанием для описания местоименного качества и классификации этих слов авторы постоянно используют функцию «замещения».

Основанием для признания самостоятельного грамматического статуса местоимений в академической грамматике является формальный способ выражения категорий рода, числа и падежа. Самая «местоименная» в функциональном отношении грамматическая категория лица, выражаемая корнями, никак не рассматривается, а только упоминается. В грамматике дается перечень наиболее частотных вариантов личных местоимений, хотя вместо термина «функциональный» используется

выражение «специфическое употребление» [25. С. 533]. Следует отметить, что в Грамматике-80 грамматическое качество местоимений рассматривается в границах образцовых парадигматических вариантов, выделяемых, как правило, гипотетически. Если у «основных вариантов» совпадают грамматическая потенция и результат, то при «специфическом употреблении» в семантической структуре местоимений результативное значение не совпадает с потенциями формы.

В академической грамматике функциональный принцип применяется для описания некоторых грамматических особенностей местоимений. Так, объяснение того, что слова *я* и *мы* являются самостоятельными местоимениями, а не формами числа, основывается фактически на их семантике. Дается пояснение «**мы** – это не несколько **я**» [25. С. 534], которое проясняет денотативный план, а не грамматический. Вопреки утверждению, что категория числа у местоимений 1-го и 2-го лица – «это несловозменяемая морфологическая категория» [25. С. 533], указывается: «Слово **вы** обозначает множественность собеседников (за исключением говорящего)», а «**ты** обозначает единичное лицо – собеседника» [25. С. 534]. В данном случае необходимо принять во внимание, что рассматриваемые варианты местоимений имеют супплетивные парадигмы, которые являются характерными для этих слов. И если денотативная природа местоимений 1-го лица во множественном и единственном числе исключает возможность считать их формами одного слова, то во 2-м лице *ты* и *вы* соотносятся так же, как варианты *он* и *они*. Понятно, что *мы* не может быть множеством *я*, тогда как *вы* в своем главном значении обозначает множество адресатов. Очевидно, признание в структуре местоимения 2-го лица категории числа противопоставило бы его местоимению 1-го лица, вместе с которым они образуют разряд «личные местоимения» в классической грамматике. Это стало для авторов основанием считать, что местоимения *ты* и *вы* являются отдельными самостоятельными словами так же, как и местоимения 1-го лица.

Таким образом, анализ местоимений в академических грамматиках в значительной степени опирается на функциональное качество, хотя по методическим установкам авторов описание ориентировано на критерии классической грамматики, в перечне которых нет собственно функционального признака, а только синтаксический. «Канонизированность» описательных схем академических грамматик не позволила авторам расширить границы функционального признака местоимений больше, чем первичная синтаксическая функция слова. Такое понимание функции отражает качество слов с субстанциональным значением, но для местоимений оно является слишком узким. При учете первичного синтаксического признака игнорируются специфические для местоимений функции дейксиса и анафоры, благодаря которым они и выделяются в особый класс. Дейксис и анафора являются более масштабными функциями, нежели роль слова в предложении, поскольку участвуют в организации коммуникативного акта. Наряду с номинацией и предикацией они определяют способ вербальной репрезентации действительности, тогда как функции слов в предложении являются важными для выражения мыслей. Функции предикации, номинации и дейксиса организуют сам процесс формирования мыслей.

К функциональному направлению относятся труды целой группы ученых (Н.Ю. Шведова, А.А. Кибрик, А.Г. Елисеева, О.Н. Селиверстова, Е.Н. Сидоренко, Л.Д. Чеснокова, Л.Я. Маловицкий, О.Д. Третьякова, А.Д. Шмелев и др.). Отличительной чертой этих трудов является учет ценности способов актуализации понятий при помощи местоимений, а также интерес к некоторым группам внутри класса. Главной целью этого направления стало стремление к всестороннему исчерпывающему описанию местоименного класса, поэтому в классификациях расширяется перечень категориальных признаков, выходящих за рамки классической системы. С другой стороны, усложнение принципов описания в этом направлении можно рассматривать как целенаправленное расширение границ канонического синтаксического признака части речи. Традиционное понятие «синтаксический признак выделения части речи» расширяется с учетом достижений исследования функционального качества современного языка. При этом концептуальным ориентиром для систематизации грамматического строя остается традиционное учение о частях речи, хотя разные авторы используют его по-разному. В одних работах традиционная схема принимается как данность языковой системы, в других – она используется для аналитического контраста с новым представлением. Следует отметить, что и в первом и во втором случаях система местоимений рассматривается гораздо шире, чем в традиционном подходе.

Попытка создать принципиально новую классификацию местоимений, прослеживается в работах А.Г. Елисеевой, О.Н. Селиверстовой, С.М. Кузьминой, Н.Ю. Шведовой, опубликованных в конце XX в. В них представление о классе местоимений мотивировано традиционными установками на парадигматические свойства, и вместе с тем применяются понятия из структурной лингвистики. Основными концептуальными положениями являются следующие: 1) значение местоимений является не-

изменяемым в такой же степени, как значение других слов; 2) значение местоимений шире, чем характеристика актанта ситуации в его отношении к акту речи; 3) «Собственно лексическая часть значения местоимений» складывается из двух компонентов: из информации об уровне характеристики актанта ситуации и указания на «адрес» идентификации; 4) в денотативном плане своеобразие местоимений определяется их значением [6; 12].

Самой значимой в этой группе исследований является концепция Н.Ю. Шведовой, в которой местоимения рассматриваются, с одной стороны, в рамках синтаксиса формы слова, то есть «по правилам синтаксического поведения форм слова, в системе их потенций и значений» [37. С. 23], а с другой стороны, они описываются как исходный в языке класс слов, содержащий в себе весь смысловой потенциал языковой системы [38; 39]. Ученый, опираясь на взгляды теоретика языкознания В. фон Гумбольдта, считает местоимения исторически первичным классом в языке: «Местоимения как класс слов демонстрируют все свойства и признаки естественной языковой системы: это целостная исторически сложившаяся самодостаточная материальная общность, совокупившая в себе ряд подсистем (микросистем), образующих подмножества под эгидой закрытого представительного ряда, наделенного ролью и функциями верховенствующего начала» [39. С. 163-164].

Основой для репрезентации местоименного класса у Шведовой стали потенции формы слова из функциональной грамматики А.В. Бондарко [1]. Шведова расширила это понятие в грамматическом и лексическом отношении, дополнив его синтаксическими потенциями, и назвала его «смысловым пространством слова» [39. С. 164]. «Смысловое пространство» имеет динамический характер и, по мнению ученого, является специфическим местоименным: «Только местоимениям, их классу – его вершинному ряду – принадлежит порожденная самим языком роль означения смыслов и тем самым – роль создания смысловых пространств, охватывающих собою разноуровневые языковые единицы, сгруппировавшиеся на основе семантической общности и устремленности к одному определенному смысловому исходу» [39. С. 164]. «Смысловое пространство» обладает концентрическим характером и восходит к исторически первичным местоименным элементам, которые Шведова и назвала «исходом». «Местоимения-исходы» – это своеобразные знаки-актуализаторы «языковых смыслов», которые рассматриваются как «абстрактные языковые категории, материализующиеся в определенных языковых единицах и в общностях таких единиц» [39. С. 164]. Ученый чрезвычайно высоко оценивает статус класса местоимений, считает, что эти слова являются первичной смысловой основой для всей системы языка.

Шведова осуществляет систематизацию местоимений в первую очередь на основе функциональных разноуровневых возможностей, которые определяются путем выявления способа «индивидуализации смысла местоименных исходов» [39. С. 37]. Представление о синтаксических потенциях конкретных местоимений выстраивается в работе поэтапно в соответствии с уровнями анализа, отражающими ступени «человеческого познания». Местоимения с этой точки зрения являются особым объектом, поскольку не имеют лексического компонента в своей семантической структуре, и это позволяет описать генерацию различных синтаксических функций при их введении в конкретный контекст [37. С. 26].

Функциональный анализ в трудах Шведовой охватывает практически все формы местоимений в трех аспектах: 1) с точки зрения их исходного смысла; 2) с точки зрения синтаксической позиции в конкретных случаях употребления; 3) в аспекте номинации, которая у местоимений осуществляется в виде дейксиса или анафоры. Таким образом, преодолевается недостаток синтаксического частеречного критерия традиционной грамматики. Шведова учитывает все уровни функционирования местоимений в качестве «исходной» и потому центральной единицы языковой системы. Она отмечает, что для корректности систематизации этих слов важен учет третьего функционального уровня, обозначения ситуативных объектов действительности относительно понятия «человек».

Шведова систематизировала все синтаксические функции местоимений, которые предназначены для разных сфер и уровней. Так, местоимения могут быть: 1) зависимым формантом словосочетания (местоименного фразеологизма); 2) компонентом структуры предложения; 3) распространителем предложения в целом (детерминантом); 4) распространителем внутреннего состава предложения; 5) формантом сложного предложения или диалогического единства; 6) формантом текста; 7) называющей единицей; 8) отдельным высказыванием, опирающимся на «конситуацию». Результатом исследования Н.Ю. Шведовой стала разносторонняя характеристика «смыслового пространства» русских местоимений. В русском языкознании появилась принципиально новая систематизация местоименных слов.

Концептуально близкой к представленной выше, но противоположной ей по некоторым важным понятиям, является интерпретация местоименного класса в трудах О.Д. Третьяковой [32] и С.Г. Татевосова [31]. Они берут за основу теорию лейпцигского ученого М. Хаспельмата, разработавшего методологические основания современной типологии, исследовав различия между «формальным» и «функциональным» подходами к языку. Концепция Третьяковой и Татевосова объединяет некоторые тенденции языкознания и информатики и относится к направлению «корпусной лингвистики», сформировавшейся как прикладное направление, занимающееся лингвистическим обеспечением Национального корпуса русского языка в сети интернет. Третьякова и Татевосов разработали технологию грамматической разметки текстов с опорой на местоименные элементы. Данная технология предназначена для повышения эффективности поискового процесса в системе интернет и, кроме значимости прикладного характера, имеет определенную теоретическую ценность. В этом направлении функциональные типы местоимений определяются по их результативной значимости в конкретных контекстах. Ученые считают, что семантика местоимений выражается корнем, и определяют ее как «онтологическую категорию». В *корпусном* исследовании каждое местоимение рассматривается как единица какого-либо корпуса текстов, например, Третьякова работала с русскими литературными текстами XIX и XX вв. из корпуса Тюбингенского университета и корпуса «Русский стандарт».

Тексты в этом направлении рассматриваются как нарративы или дискурсы. Исследователи считают тип текста принципиально важным фактором, обуславливающим качество конкретных местоимений. Все местоимения в этом ракурсе распределяются по группам, каждая из которых рассматривается как «отдельная серия» [32, с. 1]. Определяющими признаками местоименной серии являются общая в корпусе функция и их типовая дистрибуция. Функция понимается как смысл местоимения в определенной дистрибуции. Корпусный набор местоименных функций определяется по наиболее частотной поверхностной дистрибуции. В работах часто используется двойное название «функция-контекст» [32, с. 1]. Серия местоимений называется по семантически значимому компоненту дистрибуции («редко-серия», «мало-серия», «угодно-серия» и др.) [32, с. 5]. Вхождение «слова-маркера» вместе с местоимением в одну дистрибуцию, регулярную для всего корпуса, приводит к его грамматикализации, поскольку в данном случае «слова-маркеры» выполняют «функцию квантификации текстов» [32, с. 5]. Ученые считают, что наряду с формальным определением в теорию местоимений необходимо ввести функциональное, под которым понимается специфицированность / неспецифицированность, референтность / нереферентность, определенность / неопределенность и пр. конкретных местоименных употреблений [32, с. 1-2].

В данной концепции процедура функционального анализа местоимений обуславливается прикладной целью. Несмотря на некоторые общие с теорией «местоименного исхода» положения, эта концепция строится на принципиально противоположном подходе: местоимения описываются с точки зрения их результативной функции, тогда как Шведова рассматривает их потенциальные функции. Следует отметить, что «корпусный анализ» особенно эффективен в исследовании кванторных местоимений, поскольку только они обладают определенной дистрибуцией и имеют по сравнению с другими устойчивую семантику. К тому же кванторные местоимения служат знаками онтологических категорий и не нуждаются в коррелятивных членах (антецедентах и антиципентах), как местоимения других типов. Следует отметить, что в представленной теории термин *кванторные местоимения* не используется. В «корпусном анализе» кванторные местоимения всегда рассматривались учеными в качестве вопросительных, «но функционируют как неопределенные» [32, с. 1].

Результативно-функциональный подход в исследовании местоимений также применяется в трудах Е.Н. Сидоренко [27], Л.Я. Маловицкого [14, 15], М.К. Милых [18], Л.Д. Чесноковой [33; 34], П.В. Чеснокова [35], В.Н. Мигирова [16] и др. В их работах на первый план выдвигается специфическое местоименное свойство – легко переходить из одного грамматического класса в другой. Исследуя это свойство, ученые заметили, что для функционирования конкретных местоимений ни один из разрядов не является приоритетным, несмотря на то, что их парадигматические потенции связаны с каким-либо конкретным грамматическим классом [27; 16]. Переход местоимений из одного разряда в другой является обычным процессом в их системе, поскольку обусловлен общим дейктическим значением, определяемом в этом направлении как «указание без наименования» [35, с. 140]. По этой причине переходность рассматривается как самая важная функциональная черта всех местоимений.

Ученые обратили внимание на то, что переходность местоимений не ограничивается каким-то одним планом, это свойство проявляется во всех функциональных сферах. В первую очередь это относится к возможностям функционирования местоимений внутри собственного класса: дейктические

местоимения в контексте или в коммуникативной ситуации часто выполняют функции анафоры или квантификации.

Способность менять качество и переходить в иной разряд широко проявляется у местоимений и на уровне частей речи, поэтому Е.Н. Сидоренко назвал их «синкретичной по своей природе частью речи» [27. С. 138]. Ученый отмечает, что эти слова часто переходят из одной части речи в другую, сохраняя старые признаки и одновременно приобретая новые. Эта гибкость свидетельствует об их широких функциональных возможностях, которые трудно, или почти невозможно, определить по парадигматическим и даже по синтаксическим потенциям. Здесь же ученый отмечает, что в традиционной грамматике функциональные потенции местоимений понимаются крайне узко – исключительно как возможности слова, которое замещается местоимением в тексте. Такое представление ограничивает продуктивность исследования местоимений в естественных условиях употребления, поскольку при таком подходе местоимение механически превращается в «тень слова», которое оно замещает. На самом деле коммуникативные местоименные варианты в грамматическом плане часто являются более сложными, нежели их первичный парадигматический вариант и слово, вместо которого местоимение употребляется.

Таким образом, почти во всех трудах этого направления синкретизм принимается за базовый признак для описания местоимений в синхроническом аспекте. По способности к синкретизму все местоимения и слова, которые с ними связаны, делятся на три группы: 1) собственно местоимения в классическом понимании; 2) слова, вместо которых местоимения могут выступать по своей грамматической природе и у которых грамматическая характеристика совпадает с характеристикой местоимений, так как «называние и указание – это всего лишь разные способы языкового значения»; 3) «Функциональные омонимы» местоимений из противостоящих им по грамматической природе частей речи [16; 27].

В исследованиях этого направления большое внимание уделяется контекстуальной и ситуационной значимости местоимений, поскольку синкретизм – результативное явление, и его трудно обнаружить в виде синтаксических потенций слов. Так, например, описывается функциональное качество местоимения по его позиции в контексте: «Местоимение *сам*, которое может выступать в позиции обстоятельства, оторвалось от подлежащего и примкнуло к сказуемому. Однако отрыв от подлежащего не полный: местоимение *сам* продолжает согласовываться с подлежащим по формам рода и числа» [16. С. 94].

Достаточно полно и разносторонне описывается явление обратной конверсии в случаях, когда слова других частей речи «переходят в класс местоимений» [33. С. 57-60]. Как местоимения в конкретном употреблении утрачивают значение указания и усиливают значение предметности, некоторые существительные, прилагательные, числительные и причастия могут утрачивать свое номинативное значение и приобретать указательное, то есть «переходить в местоимения». Также в новой концепции корректируются разряды внутри класса. М.К. Милых выделяет «восклицательные местоимения» (или «эмоционально-оценочные»): «те же, что и вопросительные, но в значении восклицательных членов в восклицательных предложениях» [18. С. 47]. Л.Я. Маловицкий подробно характеризует местоимения, которые предлагает называть «одушевленными (кто, я, ты, кто-то и др.)» и «неодушевленными (что, что-то, что-нибудь и др.)» [15].

Для данного направления в целом характерно стремление к систематизации местоимений на основе их специфических синтаксических свойств. Много внимания уделяется функциям в сложных предложениях и в сложных синтаксических конструкциях с разными типами связи, в которых эти слова приобретают новые свойства. И хотя синкретизм как отличительное функциональное качество местоимений в сложных конструкциях сохраняется, он имеет иной характер, поскольку обуславливается семантикой отношений [14]. Анализ работ этого направления показывает, что ученые вышли за границы традиционных признаков и нашли новое основание для систематизации этого класса.

Кроме попыток создать новую классификацию местоимений, в конце XX – начале XXI вв. появилось много трудов, авторы которых изучают частные местоименные проблемы (Е.М. Вольф, А.А. Кибрик, А.В. Кравченко, Е. Кржижкова, Ю.И. Леденев, И.Г. Милославский, З.М. Мурыгина, Е.П. Сеничкина, К.А. Соколовская, А.Е. Супрун, И.П. Тарасова, С.Г. Татевосов, В.В. Шаповал и др.). В этих трудах углубляются и детализируются представления об отдельных местоимениях, их особых качествах и возможностях, рассматриваемых гораздо шире, чем в работах, основывающихся на классических схемах.

А.Е. Супрун [29] пытается осмыслить место, занимаемое местоимениями в грамматической системе языка: «Сравнительно просто устроено, например местоимение, небольшая по количеству входящих в него слов часть речи, но вместе с тем специфическая по их употребительности: частотность местоимений сближается со служебными, грамматическими словами» [29. С. 75]. Далее ученый высказывает предположение: «Быть может, местоимения можно рассматривать как своеобразную модель организации части речи, хотя несомненно, что “хозяйство” существительных, включающих в свой состав не несколько десятков лексических единиц, а двадцать или тридцать тысяч, должно быть организовано гораздо более сложно. Впрочем, и в системе местоимений дело не ограничивается только тремя ярусами классификации: части речи, разряды местоимений, отдельные слова. Существуют прочные семантические связи, например между личными и притяжательными местоимениями, имеются яркие словообразовательные связи между отрицательными и некоторыми неотрицательными местоимениями и т. д.» [29. С. 75-76].

Чешский лингвист Е. Кржижкова-Беличова посвятила ряд работ местоимениям славянских языков. Она отстаивает традиционную точку зрения на местоимения как на самостоятельную часть речи, поскольку в каждом из разрядов вычленяется один и тот же набор признаков и рассматривает их как слова, образующие четкую систему. Так, указательные местоимения выполняют в славянских языках три функции: «собственно-указательную», «относительную» и заместительную (функцию слова – заместителя придаточного предложения, сигнализирующего о наличии такого предложения и о его субстантивном или адвербиальном характере). Указательные местоимения образуют замкнутую систему из двух или трех членов, основанную, как правило, на «бинарной оппозиции» (привативной или эквиополентной) [10].

З.М. Мурыгина [19] исследует дейктическую природу личных местоимений *мы*, *вы*. В научных трудах не раз отмечалось «неуказательное» употребление личных местоимений *я* и *ты*, уравнивающее эти местоимения как способы наименования говорящего и собеседника с другими способами наименования лица. Мурыгина считает, что при употреблении в указательных значениях местоимения *мы* и *вы* указывают «на форму совместного участия реальных и потенциальных участников коммуникации» с той лишь разницей, что местоимение *мы* указывает на «форму взаимного участия говорящего и адресата», а у местоимения *вы* это значение отсутствует. При взаимном участии обязательно наличие говорящего и собеседника-адресата. Наблюдения за особенностями употребления местоимений *мы* и *вы* поддерживаются сопоставлением с употреблениями соответствующих личных форм глаголов [19].

Л.Я. Маловицкого интересует употребление местоимения *он*, а также неопределенных местоимений [14; 15]. Ученый подчеркивает полноправность местоимения *он* в разряде личных местоимений, также он рассматривает синтаксические условия функционирования неопределенных местоимений. В результате анализа текстов ученый устанавливает следующие закономерности: 1) местоимения *кто-то*, *что-то*, *некто*, *нечто* и подобные синтаксически более свободны, чем *кто-нибудь*, *что-нибудь*, *кто-либо*, *что-либо*; 2) «проминальные формы» на *-нибудь* (*-либо*) употребляются в предложениях, где реальность сообщаемого точно не установлена. Ученый сделал попытку связать значение неопределенности с видовременной семантикой и с категорией модальности, он отмечает совместимость и несовместимость «безотносительно неопределенных» местоимений на *-нибудь* (*-либо*) с разными временными планами (с планом настоящего актуального, прошедшего совершенного и будущего времени) [14; 15].

Е.М. Вольф исследует функциональные особенности местоимений (личных, притяжательных и указательных). Структуру местоименной системы и роль местоимений в тексте ученый определяет по их функциональной характеристике – «местоимения являются дейктическими словами, словами-указателями». В то же время в составе группы местоимения выполняют функцию слов-заместителей и позволяют представить в сжатом виде отдельные элементы или целые фрагменты текста [3. С. 7]. В центре внимания ученого находятся семантические и синтаксические свойства местоимений, их способность выполнять не только роль указателей или заместителей, но и быть средством индивидуализации референта или отдельных элементов контекста. Местоимения могут приобретать вторичные (периферийные) значения, чаще всего модальные, что происходит, когда основные функции местоимений избыточны. Также представляет интерес выделение двух групп местоимений, предназначенных для указания на типы элементов текста или ситуации – 1) на лица или предметы (предметные формы) и 2) на события (неопределенные формы). Местоимения разных групп замещают в тексте имена лиц или предметов (предметные) или обозначения событий, помещенных в синтаксическую позицию имени (непредметные) [3].

Т.И. Сильман интересуется способность местоимений соотносить части текста. Она рассматривает синтактико-стилистические особенности местоимений, поэтому исследует не их собственно грамматическую характеристику, а особую природу, «которая совершенно не исчерпывается функцией субститута, а нуждается в специфическом раскрытии, в особенности, когда речь идет о функциях местоимений в «текстовой грамматике». Текст, в котором с наибольшей полнотой выявляются особенности местоимений – слов «обобщающих, а не индивидуализирующих», по мнению Сильман, является лирическое стихотворение [28, с. 81]. Личные местоимения в лирических произведениях помогают обобщению образа героя и в то же время конкретизируют душевную жизнь «лирического я», как бы привязывая эту жизнь к определенному субъекту. «На уровне лирической ситуации, – отмечает Сильман, – местоимение обретает известную конкретность, «одеваясь» подробностями ... душевной жизни лирического персонажа», что способствует созданию духовного и душевного облика определенного лирического я» [28. С. 90]. Выполненные на материале немецкого языка работы Сильман содержат интересные замечания, которые могут быть применены в исследованиях произведений русской лирики.

Кроме рассмотренных выше, на рубеже веков был создан обширный ряд трудов, посвященных проблемам местоимений в сопоставительном аспекте (М.И. Виолина, Т.Н. Гарьковская, Н.М. Гиноева, В.Б. Жердева, В.В. Жура, Т.П. Нехорошкова, А.К. Устин, Д.В. Фролов и др.).

Таким образом, можно констатировать, что местоимения в конце XX – начале XXI вв. продолжают оставаться в лингвистике одним из самых проблемных объектов научного исследования. В то время как другие части речи подвергаются лишь более детальному анализу, для местоименного класса разрабатываются новые классификации. Рассмотренные выше подходы являются ведущими в современном русском языкознании, они, на наш взгляд, не только концептуально не противоречат друг другу, но взаимодополняются, поскольку каждый из них рассматривает объект в особом аспекте. Характеристика местоименного класса, разработанная в лингвистике, хотя и является разносторонней, однако же, отличается отсутствием единства и целостности, необходимых для адекватной интерпретации объекта научного описания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. 176 с.
2. Васильева А.К. О природе частей речи как системы классов полнозначных слов (на материале индоевропейских языков) // Филологические науки. 1973. № 6. С. 67-72.
3. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1974. 224 с.
4. Вукович Й.К проблеме классификации частей речи // Вопросы языкознания. 1972. № 5. С. 49-61.
5. Грамматика современного русского литературного языка // Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.
6. Елисеева А.Г. Селиверстова О.Н. Семантическая структура местоименного значения // Вопросы языкознания. 1987. № 1. С. 79-92.
7. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание: Избр.тр. Л.: Наука, 1976. 698 с.
8. Корельская Т.Д., Падучева Е.О. О возвратных, личных и указательных местоимениях в русском языке (правила употребления и машинный эксперимент) // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М.: ВИНТИ, 1971. Вып. 1. С. 42-46.
9. Краткая русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989. 639 с.
10. Кржижкова-Беличова Е. Замечания о системе указательных местоимений в современных славянских литературных языках // Русское и славянское языкознание. М.: Наука, 1972. С. 144-153.
11. Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. О парных указательных местоимениях в русском языке // Предварительные публикации. М., 1972. Вып. 6. 23 с.
12. Кузьмина С.М. Семантика и стилистика неопределённых местоимений: Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М.: Наука, 1989. С. 158-231.
13. Левин Ю.И. О семантике местоимений // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. С. 96-107.
14. Маловицкий Л.Я. Синтаксические условия функционирования неопределённых местоимений в современном русском языке // Филологические науки. 1974. № 4. С. 110-117.
15. Маловицкий Л.Я. Личные местоимения современного русского языка в коммуникативном аспекте // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989. С. 105-111.
16. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. Бельцы, 1971. 199 с.
17. Милославский И.Г. К классификации словоформ русского языка // Вопросы русского языкознания. 1976. Вып. 1. С. 93-101.

18. Милых М.К. Многозначность и синонимия вопросительных, относительных и указательных местоимений // Филологические науки. 1979. № 3. С. 47–54.
19. Мурыгина З.М. Дейктические значения личных местоимений *мы, вы* в русском языке // Язык и человек. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 218–229.
20. Нехорошкова Т.П. Семантика неопределенных местоимений: На материале латинского и французского языков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 144 с.
21. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 424 с.
22. Падучева Е.В. Анафорические связи и глубинная структура текста // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. С. 96–107.
23. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. 5 изд. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 296 с.
24. Ревзин И.И. Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. 287 с.
25. Русская грамматика. 1980 М.: Наука, 1980. Т. I. 784 с.
26. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
27. Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. Киев; Одесса: Лыбидь, 1990. 147 с.
28. Сильман Т.И. Синтаксико-стилистические особенности местоимений (на материале немецкого языка) // Вопросы языкознания. 1970. № 4. С. 81–92.
29. Супрун А.Е. Части речи в русском языке. М.: Просвещение, 1971. 133 с.
30. Советов И.М. Проблема статуса личных местоимений в системе частей речи // Вестник Вятского государственного университета. 2011. С. 78–82.
31. Татевосов С.Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 240 с.
32. Третьякова О.Д. Серия неопределенных местоимений с нулевым маркером неопределенности в русском языке. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2574/tretjakova.pdf> (дата обращения: 14.04.2018).
33. Чеснокова Л.Д. Семантические типы членов предложения с двойными отношениями. Ростов-на-Дону: ГПИ, 1973. 105 с.
34. Чеснокова Л.Д. Местоимения *кто, что* и семантика одушевленности-неодушевленности в современном русском языке // Русское языкознание. Киев: Высш. шк., 1987. Вып. 14. С. 69–75.
35. Чесноков П.В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 1992. 167 с.
36. Чехов А.С. Отождествляющее анафорическое отношение как фактор внутренней организации высказывания // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М.: Издательство МГПИИЯ, 1981. Вып. 19. С. 39–61.
37. Шведова Н.Ю. О синтаксических потенциях формы слова // Вопросы языкознания. М., 1971. № 4. С. 25–35.
38. Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М.: ИРЯ, 1995. 121 с.
39. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

Поступила в редакцию 30.01.2020

Урунова Раиса Джавхаровна, доктор филологических наук, доцент кафедры «Гуманитарные науки»
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 35.
E-mail: urunova-rd@yandex.ru

R.G. Urunova

MAIN PROBLEMS AND DIRECTIONS IN THE STUDY OF PRONOUNS AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-739-750

The article contains an analytical review of linguistic works devoted to the reinterpretation of pronouns as a grammatical class of Russian words. Pronouns are words that are difficult to systematize according to the characteristics on the basis of which parts of speech in the language are distinguished. The purpose of the study is to consider the most important works in the field of linguistics, to generalize the views and approaches in the description of the pronominal class and to determine the most productive of them. The subject of research in this article is the works on pronouns, published in the late XX and early XXI century. The analysis revealed the main problems and trends in the description of the pronominal class in modern Russian linguistics. It was found that pronouns require special description schemes,

since they differ in their properties from all other words at the categorical level. The most productive approach to describe them is the functional one, which makes it possible to study pronouns, taking into account the specifics of their use in texts and communication. Among several methods of functional research, the most effective is the description of pronouns according to the effective function.

Keywords: parts of speech, pronoun, traditional grammar, functional approach, semiotics, corpus research.

REFERENCES

1. Bondarko A.V. Grammaticheskoe znachenie i smy'sl [Grammatical meaning and meaning]. L.: Nauka, 1978. 176 s. (In Russian).
2. Vasil'eva A.K. O prirode chastej rechi kak sistemy` klassov polnoznachny`x slov (na materiale indoevropskix yazy`kov) [On the nature of parts of speech as a system of classes of full-digit words (on the material of Indo-European languages)]// Filologicheskie nauki [Philological science]. 1973. № 6. S. 67–72. (In Russian).
3. Volf E.M. Grammatika i semantika mestoimenij [Grammar and semantics of pronouns]. M.: Nauka, 1974. 224 s. (In Russian).
4. Vukovich J. K probleme klassifikacii chastej rechi [To the problem of classifying parts of speech] // Voprosy` yazy`koznaniya [Linguistics questions]. 1972. № 5. S. 49–61. (In Russian).
5. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazy`ka [Grammar of modern Russian literary language] // Otv. red. N.Yu. Shvedova. M.: Nauka, 1970. 767 s. (In Russian).
6. Eliseeva A.G. Seliverstova O.N. Semanticheskaya struktura mestoimennogo znacheniya [Semantic structure of the name value] // Voprosy` yazykoznaniya [Linguistics questions]. 1987. № 1. S. 79–92. (In Russian).
7. Zhirmunskij V.M. Obshhee i germanskoe yazy`koznanie [General and German linguistics]: Izbr.tr. L.: Nauka, 1976. 698 s. (In Russian).
8. Korel'skaya T.D., Paducheva E.O. O vozvratnykh, lichnykh i ukazatel'nykh mestoimeniyax v russkom yazyke (pravila upotrebleniya i mashinny`j e`ksperiment) [About return, personal and pointing pronouns in Russian (rules of use and machine experiment)] // Informacionny`e voprosy` semiotiki, lingvistiki i avtomaticheskogo perevoda [Information issues of semiotics, linguistics and automatic translation]. M.: VINITI, 1971. Vyp. 1. S. 42–46. (In Russian).
9. Kratkaya russkaya grammatika [Short Russian grammar] // Pod red. N.Yu. Shvedovoj, V.V. Lopatina. M.: Russkij yazyk, 1989. 639 s. (In Russian).
10. Krzhizhkova-Belichova E. Zamechaniya o sisteme ukazatel'ny`x mestoimenij v sovremenny`x slavyanskix literaturny`x yazy`kax [Comments on the system of pointing pronouns in modern Slavic literary languages]/ Russkoe i slavyanskoe yazy`koznanie [Russian and Slavic linguistics]. M.: Nauka, 1972. S. 144–153. (In Russian).
11. Krejdlin G.E., Paducheva E.V. O parny`x ukazatel'ny`x mestoimeniyax v russkom yazy`ke [About paired index pronouns in Russian] // Predvaritel'ny`e publikacii [Preliminary publications]. M., 1972. Vyp. 6. 23 s. (In Russian).
12. Kuz'mina S.M. Semantika i stilistika neopredelyonny`x mestoimenij: Grammaticheskie issledovaniya. Funkcional'no-stilisticheskij aspekt: Supersegmentnaya fonetika. Morfologicheskaya semantika [Semantics and stylistics of uncertain pronouns: Grammatical studies. Functional-stylistic aspect: Super-segment phonetics. Morphological semantics]. M.: Nauka, 1989. S. 158–231. (In Russian).
13. Levin Yu.I. O semantike mestoimenij [About semantics of pronouns] // Problemy` grammaticheskogo modelirovaniya [Problems of grammatical modeling]. M.: Nauka, 1973. S. 96–107. (In Russian).
14. Maloviczkij L.Ya. Sintaksicheskie usloviya funkcionirovaniya neopredelenny`x mestoimenij v sovremennom russkom yazy`ke [Syntax conditions of operation of indeterminate pronouns in modern Russian] // Filologicheskie nauki [Philological science]. 1974. № 4. S. 110–117. (In Russian).
15. Maloviczkij L.Ya. Lichny`e mestoimeniya sovremennogo russkogo yazy`ka v kommunikativnom aspekte [Personal pronouns of modern Russian in communicative aspect] // Russkie mestoimeniya: semantika i grammatika [Russian pronouns: semantics and grammar]. Vladimir, 1989. S. 105–111. (In Russian).
16. Migirin V.N. Ocherki po teorii processov perexodnosti v russkom yazy`ke [Essays on the theory of transition processes in Russian]. Bel'cy, 1971. 199 s. (In Russian).
17. Miloslavskij I.G. K klassifikacii slovoform russkogo yazyka [To classification of word forms of Russian language] // Voprosy` russkogo yazy`koznaniya [Questions of the Russian linguistics]. 1976. Vy`p. 1. S. 93–101. (In Russian).
18. Mily`x M.K. Mnogoznachnost` i sinonimiya voprositel'ny`x, otnositel'ny`x i ukazatel'ny`x mestoimenij [Multiple and synonymous question, relative and pointing pronouns]// Filologicheskie nauki [Philological science]. 1979. № 3. S. 47–54. (In Russian).
19. Mury`gina Z.M. Dejkticheskie znacheniya lichny`x mestoimenij my`, vy` v russkom yazy`ke [Dektic meanings of personal pronouns we, you in Russian]// Yazyk i chelovek [Language and person]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1970. S. 218–229. (In Russian).
20. Nexoroshkova T.P. Semantika neopredelenny`x mestoimenij: Na materiale latinskogo i francuzskogo yazy`kov [Semantics of uncertain pronouns: On the material of Latin and French]. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2001. 144 s. (In Russian).

21. Ob`yasitel'ny`j slovar` russkogo yazy`ka: Strukturny`e slova: predlogi, soyuzy`, chasticy, mezhdometiya, vvodny`e slova, mestoimeniya, chislitel'ny`e, svyazochnoe glagoly` [Russian Language Explanatory Dictionary: Structural Words: Pretexts, Unions, Particles, Intercommes, Introductory Words, Pronouns, Numerals, Connective Verbs]. M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 424 s. (In Russian).
22. Paducheva E.V. Anaforicheskie svyazi i glubinnaya struktura teksta [Anaphoric connections and deep text structure] // Problemy` grammaticheskogo modelirovaniya [Problems of grammatical modeling]. M.: Nauka, 1973. S. 96–107. (In Russian).
23. Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitelnost'yu: Referencialnye aspekty semantiki mestoimenij [Statement and its relation to reality: The referential aspects of pronoun semantics]. 5 izd. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 296 s. (In Russian).
24. Revzin I.I. Struktura yazyka kak modeliruyushhej sistemy [Structure of Language as Modeling System]. M.: Nauka, 1978. 287 s. (In Russian).
25. Russkaya grammatika [Russian grammar]. 1980 M.: Nauka, 1980. T. I. 784 s. (In Russian).
26. Seliverstova O.N. Mestoimeniya v yazy`ke i rechi [Pronouns in language and speech]. M.: Nauka, 1988. 151 s. (In Russian).
27. Sidorenko E.N. Ocherki po teorii mestoimenij sovremennogo russkogo yazy`ka [Essays on the theory of pronouns of modern Russian language]. Kiev; Odessa: Lybid', 1990. 147 s. (In Russian).
28. Sil'man T.I. Sintaksiko-stilisticheskie osobennosti mestoimenij (na materiale nemeckzogo yazyka) [Syntax-stylistic features of pronouns (on German material)] // Voprosy yazykoznanija [Linguistics questions]. 1970. № 4. S. 81–92. (In Russian).
29. Suprun A.E. Chasti rechi v russkom yazy`ke [Parts of speech in Russian]. M.: Prosveshhenie, 1971. 133 s. (In Russian).
30. Sovetov I.M. Problema statusa lichny`x mestoimenij v sisteme chastej rechi [Problem with the status of personal pronouns in the speech part system] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta [Journal of Viatskaya State University]. 2011. S. 78–82. (In Russian).
31. Tatevosov S.G. Semantika sostavlyayushhix imennoj gruppy`: kvantorny`e slova [Semantics of the components of the name group: quantum words]. M.: IMLI RAN, 2002. 240 s. (In Russian).
32. Tret`yakova O.D. Seriya neopredelenny`x mestoimenij s nulevy`m markerom neopredelennosti v russkom yazy`ke [A series of indeterminate pronouns with zero uncertainty marker in Russian]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2574/tretjakova.pdf> (data obrashheniya: 14.04.2018). (In Russian).
33. Chesnokova L.D. Semanticheskie tipy` chlenov predlozheniya s dvojnym`i otnosheniyami [Semantic types of sentence members with dual relationships]. Rostov-na-Donu: GPI, 1973. 105 s. (In Russian).
34. Chesnokova L.D. Mestoimeniya kto, chto i semantika odushevlenosti-neodushevlenosti v sovremennom russkom yazy`ke [Pronouns who, as well as semantics of oddity-inanimity in modern Russian] // Russkoe yazy`koznanie [Russian linguistics]. Kiev: Vy`ssh. shk., 1987. Vy`p. 14. S. 69–75. (In Russian).
35. Chesnokov P.V. Grammatika russkogo yazy`ka v svete teorii semanticheskix form my`shleniya [Grammar of the Russian language in the light of the theory of semantic forms of thinking]. Taganrog: Izd-vo Taganrog. gos. ped. in-ta, 1992. 167 s. (In Russian).
36. Chexov A.S. Otozhdestvlyayushhee anaforicheskoe otnoshenie kak faktor vnutrennej organizacii vy`skazy`vaniya [Identifying anaphoric attitudes as a factor in the internal organization of speech] // Mashinnyj perevod i prikladnaya lingvistika [Machine translation and applied linguistics]. M.: Izdatel'stvo MGPIIYa, 1981. Vyp. 19. S. 39–61. (In Russian).
37. Shvedova N.Yu. O sintaksicheskix potenciyax formy` slova [About word form syntax potentials] // Voprosy yazykoznanija [Linguistics questions]. M., 1971. № 4. S. 25–35. (In Russian).
38. Shvedova N.Yu., Belousova A.S. Sistema mestoimenij kak ishod smyslovogo stroeniya yazyka i ego smyslovykh kategorij [The pronoun system as the outcome of the meaning structure of language and its meaning categories]. M.: IRYa, 1995. 121 s. (In Russian).
39. Shvedova N.Yu. Mestoimienie i smysl [Pronoun and sense]. M.: Azbukovnik, 1998. 176 s. (In Russian).

Received 30.01.2020

Urunova R.D., Doctor of Philology, Associate Professor at Department of Humanitarian science
Kazan (Volga region) Federal University
Kremlevskaya st., 35, Kazan, Russia, 420008
E-mail: urunova-rd@yandex.ru